

У.Назаров
Соискатель ТГЮИ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ДЕЛИКТА

Общеизвестно, что субъектами деликтного, как и любого гражданско-правового обязательства, являются должник и кредитор.

Кредитором (потерпевшим), именуется то лицо, которому действия (бездействие) должника (причинителя вреда) нанесли имущественный ущерб либо повлекли иные негативные последствия.

Им может быть любой гражданин (в том числе граждане других стран, либо лицо без гражданства) независимо от возраста и дееспособности. Также им может быть и юридическое лицо.

Должником же признается лицо, ответственное за причиненный вред (обязанное возместить его). Лицами, ответственными за вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги, являются продавец/изготовитель товара (по выбору потерпевшего), исполнитель работы или услуги.

Рассмотрим их правовое положение подробнее применительно к исследуемому институту потребительского деликта.

Согласно действующему законодательству, право на возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги либо вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге), имеет всякий потерпевший, независимо от того, состоял ли он в договорных отношениях с продавцом (изготовителем товара, исполнителем работы или услуги) или нет¹.

Иными словами, им могут быть сам покупатель товара (заказчик работы, услуги), лицо, к которому перешел товар (результат работы) от покупателя (заказчика) по какому-либо правовому основанию, члены семьи покупателя (заказчика), посторонние лица, например соседи, имущество которых пострадало, скажем, от пожара, возникшего из-за самовозгорания телевизора, и т. п.

В роли потерпевших в потребительском деликте могут выступать как граждане, так и юридические лица.

Учитывая специфику исследуемого нами потребительского деликта, где на стороне потерпевшего зачастую выступает такая специфическая группа субъектов, как потребители, представляется важным исследовать их правовой статус как с позиции юридической теории, так и законодательной практики Республики Узбекистан.

Соответственно ст. 1 Закона "О защите прав потребителей", потребителем признается гражданин (физическое лицо), приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товар, работу или услугу в целях личного потребления или иных целях, не связанных с извлечением прибыли².

Как отмечает Г.К. Сагиева, "именно граждане как субъекты рассматриваемых правоотношений, отношений с участием предпринимателей, нуждаются в особой правовой защите. Как участники предпринима-

тельских отношений граждане могут быть подвержены обману, давлению и другим негативным действиям и явлениям, связанным с потреблением товара"³.

Включение же в понятие "потребитель" граждан, которые еще только намерены приобрести товар или заказать услугу, имеет особо важное значение для реализации их прав на ознакомление с товаром, получение информации о нем, условиях продажи, изготовителе и т.п.

Но наш анализ литературы и законодательства показал, что в отдельных случаях категории "потребитель" и "пользователь товаров, работ, услуг" оказываются тождественными. Такая трактовка вполне допустима и экономически оправдана для регулирования сферы деятельности естественных монополистов, где субъекты отношений делятся на естественных монополистов, выступающих с одной стороны, и потребителей их услуг, — с другой стороны.

Вместе с тем юридические лица как субъекты права также могут вступать в договорные отношения с предпринимателями в целях удовлетворения своих повседневных запросов, поддержания нормального функционирования.

На наш взгляд, следует согласиться и с мнением Э. Корнилова о том, что при такой трактовке понятия "потребитель" (когда под потребителем понимается только гражданин) из сферы действия закона выпадают и организованные группы потребителей, которые для реализации уставных задач также приобретают товары, работы, услуги для личных нужд своих членов и не преследуют целей извлечения прибыли, так как являются некоммерческими организациями⁴.

Необходимо признать, что аргументация, не позволяющая отнести к потребителям юридические лица, не совсем убедительна. На наш взгляд, признание юридического лица, приобретающего товар для потребления в процессе своей деятельности (непосредственно не связанной с удовлетворением спроса других субъектов путем производства и реализации результатов предпринимательской активности), потребителем будет способствовать улучшению положения потребителей в целом.

Нашу позицию можно дополнительно аргументировать тем, что юридическое лицо может выступать в защиту своих участников как "коллективное образование". Защита в таком случае будет иметь вид договорной ответственности или оперативных санкций и др. Если речь будет вестись об участниках юридического лица или членах коллектива юридического лица, защита прав потребителей будет проводиться активнее. Ведь юридическое лицо имеет, как правило, больший уровень организованности и активности в гражданском обороте, чем разрозненные в плане защиты отдельные потребители-граждане.

Акцентируем внимание на том, что не все случаи приобретения товара юридическим лицом должны признаваться потребительским потреблением, а только те случаи, которые связаны с приобретением товаров с целью, не совпадающей с предпринимательской деятельностью юридического лица по удовлетворению

¹ Ч.1 ст.1017 ГК РУз.

² В редакции Закона РУз от 05.04.2002 г. № 364-II.

³ Сагиева Г.К. Правовые основы защиты прав потребителей в Кыргызской Республике (вопросы теории и практики): Дис....канд. юрид. наук. — Бишкек, 2009. — С.14.

⁴ См.: Корнилов Э. Вопросы совершенствования законодательства о защите прав потребителей //Хозяйство и право. — 1999. — №4. — С. 68.

спроса, в свою очередь, других потребителей. Это на практике иногда довольно сложно распознать, между прочим, как и в случаях приобретения товаров отдельными гражданами, на что обращали внимание некоторые авторы¹.

Понимая, что предложенное должно иметь отлаженный механизм применения, критерии отграничения тех или иных случаев потребительского спроса и т.д., можно сказать, что данный вопрос требует дальнейшей более детальной проработки, специального изучения и анализа. Но расширение защиты интересов слабой стороны в договорных отношениях с участием предпринимателя безусловно необходимо.

Напомним и то, что потребители имеют право объединяться в общественные организации. На возросшую активность общественных объединений потребителей указывает и анализ судебной практики. Это свидетельствует об активизации деятельности объединений потребителей, определенном повышении доверия к ним граждан, обращающихся за защитой нарушенного права.

К сожалению, Закон "О защите прав потребителей" правовой статус объединений потребителей не раскрывает, а содержит лишь ссылку на то, что общества потребителей действуют в соответствии с законодательством об общественных объединениях.

Мы считаем весьма важным определение правового статуса объединений потребителей, ибо специальная правоспособность этих юридических лиц предполагает реализацию ими только тех правовых возможностей, которые предусмотрены в законодательстве о соответствующем виде юридического лица.

Не менее важным моментом в определении правового статуса объединений потребителей является и то обстоятельство, что данные некоммерческие организации действуют в организационно-правовой форме общественного объединения и это предполагает распространение на них соответствующих положений законодательства о таком виде юридического лица. Это особенно касается вопросов создания, функционирования и прекращения деятельности данного вида некоммерческих юридических лиц.

Ограничение ведения деятельности по защите прав потребителей лишь такой организационно-правовой формой, как общественное объединение, несколько суживает действительные возможности негосударственного сектора в этой сфере. В частности, мы не видим никаких препятствий к созданию организаций по защите прав потребителей в форме, например, фонда или учреждения.

Организационно-правовая форма такой организации, равно как и требования закона к процедуре их регистрации и ликвидации, имеют, в общем-то, второстепенное значение, по сравнению с выполняемыми ими общественно полезными функциями.

Отсюда очевидна необходимость изменить законодательный подход к созданию организаций защиты прав потребителя, в результате чего изменить само название объединения потребителей на "общество защиты прав потребителей" с соответствующим изменением текстов нормативных правовых актов.

В силу этого, считаем целесообразным переименовать ст.30 Закона Республики Узбекистан в

"Общества защиты прав потребителей" и изложить ее в следующей редакции:

"Граждане и юридические лица вправе объединяться на добровольной основе в общества защиты прав потребителей в организационно-правовой форме из числа предусмотренных законодательством Республики Узбекистан о некоммерческих организациях. Деятельность обществ защиты прав потребителей осуществляется в соответствии с настоящим Законом, нормами о некоммерческих юридических лицах и уставами таких обществ".

В рассматриваемом обязательстве в качестве должников выступают продавец, изготовитель и исполнитель. Данные субъекты могут являться юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями без образования юридического лица. Они выступают в качестве ответственных лиц в случае причинения вреда вследствие недостатков товаров, работ или услуг либо непредоставления полной или достоверной информации о них².

Право выбора, к кому из них предъявить соответствующее требование, принадлежит самому потерпевшему. По смыслу закона не исключается возможность одновременного обращения потерпевшего к каждому из них, в том числе привлечения их к делу в качестве соответчиков. Если же потерпевших несколько, каждый из них сам решает, от кого – от продавца или изготовителя – потребовать возмещения причиненного вреда³.

В качестве продавцов, изготовителей или исполнителей, несущих ответственность за данный деликт, могут выступать любые граждане и юридические лица, а не только те из них, которые являются предпринимателями.

Отметим, что наличие у лица статуса предпринимателя имеет значение лишь тогда, когда речь заходит о реализации тех дополнительных прав граждан-потребителей, которые закреплены в Законе РУз "О защите прав потребителей".

Иными словами, юридические лица могут быть субъектами деликтной ответственности независимо от их вида – как коммерческие, так и некоммерческие организации, поскольку они также в определенной мере занимаются коммерческой деятельностью.

Поскольку причинителем вреда и (или) лицом, ответственным за причинения вреда в хозяйственной сфере зачастую выступает такой субъект, как юридическое лицо, то представляется уместным рассмотреть имеющиеся в современной цивилистике теории относительно вопроса о вине юридического лица.

В прошлом, в условиях административно-командной экономики, в гражданском праве обоснование деликтной ответственности юридических лиц обычно связывалось с той или иной теорией сущности юридического лица⁴. Так, если исходить из теории "директора", то пришлось бы признать, что внедоговорный вред причиняется действиями дирекции или администрации.

На практике же, непосредственно вред возникает, как правило, в результате действий работников или

¹ См.: Основы потребительских знаний: Учебник. – Алматы, 2002.

² Ст.1018 ГК РУз.

³ Богдан В.В. Гражданско-правовые способы защиты прав потребителей в сфере торговли и услуг// Юрист. – 2003. – № 7. – С. 11–15.

⁴ Советское гражданское право / Под ред. О. А. Красавчикова. Т. 1. 3-е изд. – М., 1985. – С. 361.

участников юридического лица. Учитывая это, сторонники "теории коллектива" обосновывали вывод о том, что только данная теория способна дать адекватное научное обоснование деликтной ответственности юридических лиц. "Если юридическое лицо, – писал О. С. Иоффе, – это коллектив трудящихся, коллектив рабочих и служащих во главе с назначенным государством ответственным руководителем хозоргана или коллектив членов кооперативно-колхозной организации, то и действия участников этого коллектива, совершенные в связи с выполнением их трудовых функций, являются действиями самого юридического лица"¹.

Ныне же, в условиях рыночной экономики, «теория коллектива» утратила свое значение. Но положение этой теории о том, что действия работников юридического лица или его членов, совершенные ими в процессе выполнения своих трудовых или членских корпоративных функций, являются действиями самого юридического лица, сохраняет значение и нашло отражение в законодательстве².

По мнению А.М. Беляковой, "вина юридического лица выражается в вине его работников при исполнении ими своих трудовых (служебных) обязанностей. Это объясняется тем, что деятельность организации всегда проявляется в форме индивидуальных или коллективных действий ее работников (членов). Выполняя свои конкретные служебные обязанности, работники тем самым выполняют функции данной организации. Следовательно, перед третьими лицами деятельность организации выступает как обезличенная деятельность ее работников. И наоборот, служебная деятельность конкретных работников выступает как деятельность самой организации, рабочими, служащими или членами которой они являются"³.

В результате ответственность за служебные действия работников всегда принимает форму ответственности самой организации. Если же действия работников не носят служебного характера и, следовательно, не могут рассматриваться как действия самой организации, он непосредственно и отвечает перед потерпевшим на общих основаниях, что, однако, не касается рассматриваемых правоотношений по возмещению вреда вследствие недостатков товаров, работ и услуг, поскольку ответственной за них выступает сама организация, их предоставившая (оказавшая).

Далее хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что зачастую в рассматриваемых правоотношениях имеет место так наз. институт множественности лиц.

Однако этот момент, причем возникающий не только на стороне потерпевших, но и причинителей вреда, еще не получил достаточного освещения в отечественной литературе, а потому представляется важным уделить ему должное внимание в рамках нашего исследования.

В этом аспекте будет примечателен теоретический и практический опыт стран общего права, в част-

ности США, где подобные отношения уже нашли закрепление в ряде правовых источников, а доктрина права выработала ряд концепций, направленных на понимание указанных процессов.

Например, в американской правовой науке элементарную субъектную структуру деликтного обязательства (*tort*) принято сводить к соединению обязательственными узлами двух лиц – единственного причинителя и единственного потерпевшего. Очевидно, что для общей характеристики содержания обязательства, условий наступления деликтной ответственности, характеристики ее объема и пределов такой структуры вполне достаточно.

Но современная практика, учитывая множество принципиально новых факторов риска, ставит перед правоведением существенно новые проблемы, поскольку у одной из сторон обязательственного отношения, причинившей вред либо пострадавшей в результате его причинения, имеется некоторая множественность⁴.

Решение вопросов, вызываемых фактом множественности лиц в обязательстве, опирается, в сущности, на подходы, общие как для договорных, так и для деликтных обязательств. Но в обязательствах из причинения вреда свойственные им особенности могут порождать проблемы, отсутствующие либо проявляющие себя в ином масштабе, чем в обязательствах договорных. Это объясняется иным отношением к вине как к условию возложения ответственности.

Возвращаясь к деликтам со множественностью лиц, отметим очевидный факт того, что в определенных случаях причинителем вреда может быть не одно, а несколько лиц – сопричинителей. Лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно, но при установлении факта совместных действий сопричинителей; наступивший вред должен находиться в причинной связи с результатом действий, в которых участвовали все эти лица (ч.1 ст.1000 ГК РУз).

По закону, при солидарной ответственности потерпевший может требовать возмещения вреда в любой части или в полном объеме с каждого из сопричинителей (содолжников). Тогда исполнивший обязательство должник обретает право регресса по отношению к остальным должникам. (ч.2 ст.1000 ГК РУз).

Отметим, что в общем праве солидарная ответственность (*joint liability*) нескольких лиц за один и тот же вред сложилась достаточно давно, как считается, под вполне вероятным влиянием античного римского права⁵.

В дальнейшем возложение солидарной ответственности за отдельные действия нескольких лиц, связанные общим намерением (умыслом), стало объясняться судами как вытекающее из скоординированных действий нескольких человек и потому возлагающее на каждого из них ответственность за действия других. Но и в этом случае правовое обоснование такого подхода строилось либо на доктрине взаимного представительства (*mutual agency*), либо на доктрине *vicarious*

¹ Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Л., 1955. – С. 66 – 67.

² Впервые концепцию ответственности юридических лиц за действия их работников как за свои собственные выдвинул С. Н. Братусь. См.: Братусь С. Н. Некоторые вопросы учения о субъектах права // СГП. – 1949. – № 11. – С. 78.

³ Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. – М., 1987. – С. 38.

⁴ Kay C. Goss. Legal and Economic Aspects of Emergency Preparedness and Disaster Management // Проблемы правовых и экономических способов предупреждения ущерба, возникшего в условиях чрезвычайных ситуаций. Международная конференция: Доклады и тезисы выступлений. – М., 2007. – С. 239 – 244.

⁵ Lawson F.N. Negligence in Civil Law. – Л., 1950.

liability, допускающей ответственность за действия других лиц¹.

Поскольку в отношениях потребительского деликта может иметь ответственность без вины, последняя из указанных видов ответственности представляет особый интерес.

Ответственность за действия других лиц – одна из двух известных общему праву Англии и США форм так называемой вторичной ответственности (*secondary liability*). Концептуально идея *vicarious liability* проистекает из присущих общему праву воззрений на представительство (*doctrine of agency*). При этом необходимо наличие между несколькими лицами каких-либо отношений (договорных, трудовых или партнерских), которые позволяли бы утверждать, что одно из них совершило деликт в ходе действий от имени, в интересах или по поручению другого лица. Тогда последнее несет совместную с причинителем вреда ответственность, хотя непосредственно в деликтном действии оно участия не принимало.

Современная практика свидетельствует о широком распространении случаев, когда наличие множественности причинителей одного и того же вреда обусловлено не их согласованными совместными действиями, а проистекает из того факта, что один и тот же вред причинен потерпевшему отдельными, не связанными между собой неумышленными действиями нескольких причинителей.

Судебная практика стран общего права решение порождаемых такими случаями вопросов находит в делении подлежащего возмещению вреда на делимый и неделимый. Значение этого состоит в том, что причинение вреда одному и тому же потерпевшему несанкционированными действиями нескольких причинителей может обязывать отдельного причинителя либо к возмещению вреда в полном объеме (*joint liability*), либо в объеме, обусловленном только его собственным вредоносным действием (*several liability*). Обязанность полного возмещения связывает любого из причинителей лишь в случае, когда подлежащий возмещению вред по своей природе неделим².

Анализируя субъектный состав рассматриваемого вида обязательств, нельзя не затронуть вопрос перемены лиц в обязательстве вследствие причинения вреда, который вызывает ряд дискуссий в современном гражданском праве.

Большинство ученых рассматривают обязательства, возникающие вследствие причинения вреда обязательствами из закона, которые поэтому не могут подвергаться каким-либо изменениям в договорном порядке³.

Однако некоторые сторонники данной позиции вынуждены признать, что в последнее время в отечественном законодательстве "все отчетливее просматривается тенденция к смягчению жестких императивных начал в правовом регулировании охранительных обязательств"⁴.

Возможность изменения субъектного состава путем перехода прав требования возмещения вреда в порядке цессии напрямую признается лишь отдельными авторами⁵. Но ни законодатель, ни судебная практика не дают четкого ответа на данный вопрос. Мы полагаем, что на него можно ответить утвердительно по следующим соображениям.

Следует учесть, что в основе отчуждаемого права должно лежать конкретное основание (юридический факт) – как правомерное, так и неправомерное действие. Гражданское законодательство не усматривает различий между переменой лиц в договорных и внедоговорных обязательствах, подразумевая тем самым, что к изменению сторон в обязательстве способны все обязательства⁶.

По мнению О.А. Садикова, пострадавшему, как правило, безразлично, кто именно возместит ему ущерб. Для должника в обязательствах вследствие причинения вреда фигура кредитора тоже зачастую не имеет существенного значения, поскольку для него не важно, в чью именно пользу будет произведено отчуждение его имущества⁷.

Для кредитора наказание правонарушителя также не играет первостепенной роли, поскольку ему важно восстановить свои имущественные потери, независимо от того, за чей счет они будут восстановлены⁸.

На практике, необходимость уступки права требования возмещения вреда может быть связана также с реализацией права на восстановление нарушенных прав кредитора в возможно более короткие сроки.

По мнению И.С. Шабунин, "гражданское законодательство не содержит специальных правил, которые ограничивали бы возможность передачи кредитором своего права требования возмещения вреда, причиненного имуществу, к другому лицу"⁹. Главное, чтобы "вторжение в имущественную сферу должника было законным, не изменилась юридическая характеристика его обязанности, ее объем и содержание. Поэтому вопрос о возможности передачи права требования возмещения вреда должен быть решен в пользу ее допустимости.

Исключения из общего правила о возможности уступки права требования допустимо только в случаях, предусмотренных законом. К случаям, когда уступка права требования недопустима в силу закона, относятся, в первую очередь, так наз. высокоперсонифицированные требования, которые неразрывно связаны с личностью кредитора¹⁰.

⁵ Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. – М.: Учебно-консультационный центр "ЮрИнфоР", 2000. – С. 146; Ломидзе О.Г. Правонаделение в гражданском законодательстве России. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 277, 290.

⁶ Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. – М.: Статут, 2003. – С. 17.

⁷ Гражданское право России: Курс лекций. Часть первая / Под ред. О.Н. Садикова. – М., 1996. – С. 267.

⁸ Попов А.А. Размер имущественной ответственности предпринимателя при уступке требований по взысканию санкций // Арбитражная практика. Специальный выпуск. – 2001. – С. 76.

⁹ Шабунин И.С. Некоторые основания перемены лиц в обязательстве вследствие причинения вреда в современном гражданском праве // Юрист. – 2004. – № 3. – С. 53.

¹⁰ Крашенинников Е. Допустимость уступки требования // Хозяйство и право. – 2000. – № 8. – С. 83.

¹ Москалец А.П. Множественность лиц в деликтных обязательствах: теория и практика в странах общего права // Журнал российского права. – 2006. – №3. – С. 23.

² Москалец А.П. Указ. соч. – С. 25.

³ См., напр.: Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. – М.: МГУ, 1986. – С. 26; Яичков К.К. Права, возникающие в связи с потерей здоровья. – М., 1964. – С. 99.

⁴ Шилов О. Отступное – способ прекращения обязательств // Российская юстиция. – 1998. – № 11. – С. 8.

Некоторые авторы считают основным критерием связь цели установления обязательства с его субъектным составом. О невозможности уступки можно говорить в тех случаях, когда изменение лица на стороне кредитора приводит к результату, существенно отличному от преследуемого при установлении обязательства¹.

Надо сказать, что переход обязательственных прав и обязанностей от одного лица к другому возможен и в случае универсального правопреемства, что имеет место, в частности, при реорганизации юридических лиц. В таком случае возможен одновременный переход от праводателя (реорганизованного юридического лица) к преемникам всех прав – вещных, обязательственных, исключительных, а также субъективных обязанностей.

Таким образом, вопрос о применении к обязательствам вследствие причинения вреда общих положений гражданского права о перемене лиц в обязательстве должен быть решен положительно.

Н.Раимова

Аспирант ТГЮИ

ЗНАЧЕНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В формирующемся современном мире информация выступает важнейшим компонентом развития общества. Нынешнее гражданское общество постепенно превращается из информированного в информационное, поэтому можно смело констатировать, что XXI век по праву считается веком информации. Информация приобретает глобальный характер; не существует границ для потока информации; информация является значимой как для себя лично, так для государства и общества в целом; каждый может искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Велением времени становится и разрешение огромного количества вопросов, связанных с защитой такого вида информации, как конфиденциальная информация.

Роль и значение конфиденциальной информации в условиях рыночной экономики, на наш взгляд, могут быть раскрыты по следующим направлениям:

Во-первых, конфиденциальная информация в условиях рыночной экономики является действенным механизмом по созданию конкурентоспособной среды. Как справедливо отметил И.А.Каримов в своём докладе на совместном заседании палат Олий Мажлиса от 12 ноября 2010 года в пункте 3, посвящённом реформированию информационной сферы и обеспечению свободы слова и информации, «Обеспечение свободы и прав в информационной сфере, включающие в себя такие составляющие, как свобода и реализация прав на получение, распространение информации и собственных идей, является краеугольным камнем основ построения демократического общества в Узбекистане»². Основной закон нашего государства также закрепил принцип, согласно которому «каждый имеет право искать, получать и распространять любую информацию, за исключением направленной против существующего конституционного строя и других ограничений, предусмотренных законом»³. Определённые ограничения существуют в отношении двух групп информации:

информации, направленной против существующего Конституционного строя Республики Узбекистан; информации, считающейся тайной⁴.

Именно информация, считающаяся тайной, на наш взгляд, способна вызвать интерес у известного количества участников предпринимательской деятельности в силу неизвестности её определённого кругу лиц и как результат создать достойную конкурентную среду как среди отечественных предпринимателей, так и зарубежом.

¹ Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. – М.: Статут, 2003. – С. 62.

² Каримов И.А. «Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране» // Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 12 ноября 2010 г. - Газета «Народное слово», 13 ноября 2010 г., № 220.

³ Ст. 29. Конституции Республики Узбекистан. – Тошкент: Узбекистон. 2009.

⁴ О.Окюлов. Интеллектуал мулк ҳуқуқий мақомининг назарий ва амалий муаммолари. – Тошкент. 2004. Б. 170.